

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА АРЕСТАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

LEGISLATIVE REGULATION OF THE LABOR OF PRISONERS IN THE RUSSIAN EMPIRE (FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

I. Uporov

Summary. Prisoners in the Russian Empire were criminals sentenced to punishments involving imprisonment (in the modern sense of this criminal repression); there were several such punishments, and they were modified (exile to hard labor, imprisonment, placement in prison companies of a civilian department, temporary imprisonment in a fortress, imprisonment in a workhouse and a correctional facility, etc.). Beginning with the era of Peter I, those sentenced to imprisonment were recruited for compulsory labor as cheap labor to solve state economic problems. However, during the 18th century, the position of the authorities in this area was largely determined by individual imperial decrees, and the main legislative base for the systematic regulation of the execution of punishment in the form of imprisonment, including the labor of criminals held in places of detention, was formed in the first half of the 19th century, and such regulation began somewhat earlier than the well-known systematization of Russian legislation under the general leadership of the statesman M.M. Speransky (referring to the Charter on Exiles of 1822). The article presents an overview of the main legislative acts regulating the penitentiary policy of the Russian Empire in terms of the labor of prisoners in the specified period of Russian history.

Keywords: Russian Empire, punishment, imprisonment, labor of prisoners, exile to hard labor, charter.

В годы правления Петра I осужденные преступники активно использовались для строительства и иных работ в интересах государства, огромный объем которых определялся грандиозными планами преобразований императора-реформатора. Тогда же стал появляться своеобразный симбиоз ссылки и тюремного заключения, которые уже регулировались в более ранней законодательстве, и прежде всего в Соборном уложении 1649 г. [1], что отражало специфику России как государства, имеющего самые большие территориальные пространства, причем ссылка на каторжные работы со временем стала одним из самых суровых наказаний (после смертной казни) [2]. Активное применение этого вида наказания связывается с реформаторской деятельностью Петра I, имея в виду, что для реализации соответствующих реформ требовалось множество рабочих рук, тогда и было решено активнее использовать преступников в качестве дешевой (де-факто — бесплатной) рабочей силы. Соответствующей стала и правопримени-

Уповор Иван Владимирович

*д.и.н., к.ю.н., профессор,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru*

Аннотация. Арестантами в Российской империи считались преступники, осужденные к наказаниям, связанным с лишением свободы (в современном понимании этой уголовной репрессии); таких наказаний было несколько, и они видоизменялись (ссылка на каторжные работы, тюремное заключение, помещение в арестантские роты гражданского ведомства, временное заключение в крепости, заключение в рабочем и смиренном доме и др.). Начиная с эпохи Петра I, осужденные к лишению свободы привлекались к обязательному труду в качестве дешевой рабочей силы для решения государственных экономических задач. Однако в течение XVIII в. позиция власти в этой сфере большей частью определялась отдельными императорскими указами. А основная законодательная база по системному регулированию исполнения наказания в виде лишения свободы, в том числе труда преступников, содержащихся в местах заключения, была сформирована только в первой половине XIX в., причем такое регулирование началось несколько раньше известной систематизации российского законодательства под общим руководством государственного деятеля М.М. Сперанского (имеется в виду Устав о ссыльных 1822 г.). В статье представлен обзор основных законодательных актов, регулировавших пенитенциарную политику Российской империи в части трудоустройства арестантов в указанный период российской истории.

Ключевые слова: Российская империя, наказание, лишение свободы, труд арестантов, ссылка на каторгу, устав.

тельная практика, кода смертная казнь заменялась каторжными работами. И здесь логика власти была такова: с казенного преступника государство в материальном плане ничего не может взять, а если он живой, то как рабочая единица может быть полезен в разного рода экономических государственных проектах, и прежде всего на строительстве различных властей сооружений, будь то крепости, дороги, заготовка леса и т.д. Тем самым формировались также колонизационные цели государства [3]. В целом такой подход отражает характер государственного принуждения в данной сфере общественных отношений [00].

Так, в одном из указов Петр I в отношении мошенников с казенными деньгами предписывал, в частности: «которые виновны посадские люди ... сказать смерть и положить на плаху, но от плахи поднимать быть, вместо смерти кнутом без пощады и сослать в ссылку в Азов на вечное житье с женами и с детьми и быть им на катор-

гах в работе» [5]. Как видно, законодатель вполне определенно указывает цель ссылки на каторжные работы, которая заключается не просто в удалении преступников в окраинные территории, но и в их принудительном труде для решения определенных экономических задач государства, причем труд имелся в виду физически тяжелый. Обращает на себя также внимание то обстоятельство, что пока еще здесь превалирует составляющая ссылки, а не тюремного заключения, поскольку разрешалось направляться с семьей и там искать жилье, а не находиться в тюрьме. Но довольно скоро тюремная составляющая составила одну из основ каторги как самостоятельного вида уголовного наказания, и приговоренные к нему, в отличие от ссыльных в отдаленные места, уже не имели свободы выбора рода деятельности, а обязаны были работать там, где им предписывалось. Что касается правового регулирования трудоустройства арестантов, то нормативная регламентация отсутствовала, уступая место правоприменительной практике. Например, в одном из указов Петр I требовал «завести в Тобольску кирпичные великие заводы и в тех ссыльными и иными людьми делать кирпич, чтоб повсюду наделать самое многое число» [6, с. 53]. При этом ссылка на каторжные работы к концу петровской эпохи уже была де-факто наказанием в виде лишения свободы, поскольку каторжане содержались в специальных местах и принуждались к работам не по своему выбору, как это было в Московском государстве, когда ссыльных направляли в отдаленные места, а по предписаниям начальства. В этой связи известный российский криминалист И.Я. Фойницкий отмечал, что «в первой половине XVIII века каторга была у нас не только и даже не столько уголовным наказанием, сколько местом нужного правительству принудительного труда. Сюда стекались, кроме осужденных преступников, несостоятельные к уплате государственных повинностей и частных долгов для отработки их, тут же находились и люди, приписанные к данным работам, каковы адмиралтейские и артиллерийские служители и заводские рабочие» [7, с. 269].

В дальнейшем российский законодатель не уделял внимания регулированию труда арестантов, что можно отчасти объяснить значительно меньшей реформаторской энергией последующих после Петра Великого императоров (императриц). Тем не менее практика в этом явно нуждалась. Так, в 1795 г. генерал-адъютант Князев в письме к генерал-прокурору писал, что «ссылочные невольники для работы везде нужны, где только крепости инженерного ведомства по границам находятся, наипаче же потому, что во многих местах вольнонаемных людей ни за какие деньги отыскать невозможно» [8, с. 435]. Этой причиной объясняется появление Указа от 13 сентября 1797 г. [9], согласно которому все преступники разделяются на три категории: осужденных в каторгу вместо смертной казни должны быть, по наказанию кнутом, отправляемы в работы в Нерчинск; осужденные на веч-

ную ссылку препровождаются в иркутскую суконную фабрику; наконец, осужденные к телесным наказаниям и без него к заключению в смиренный и рабочий дома, на срок или навсегда, предписывалось отправлять на строительство крепостей.

И лишь начиная с XIX в. российский законодатель стал более подробно и системно регулировать труд осужденных к наказаниям, связанным с лишением свободы. Речь идет прежде всего об Уставе о ссыльных 1822 г. [10]. В этом довольно объемном нормативно-правовом акте регулировались два вида ссылки — ссылка на поселение и ссылка на каторжные работы — в данной статье рассматривается только ссылка на каторжные работы. Указывалось, в частности, что осужденные к каторжным работам назначались в рудники, на заводы, фабрики и другие работы. Устанавливалось, что каторжные первого разряда должны были «употребляться» на самые тяжкие работы, не раскрывая, однако, понятия «тяжких работ» и относя это определение на «местное начальство». В отношении каторжных второго и третьего разрядов уточнялось, что они не назначаются на работы, производимые под землей при добывании руд, из чего, по логике вещей, можно предположить, что этот вид работ входил в разряд «тяжких». Женщины в любом случае не привлекались к каторжным работам в рудниках.

В Уставе о ссыльных подробно регулировался порядок производства ссыльно-каторжных работ в Нерчинских и Петровских заводах Кабинета Его Императорского Величества (имеются в виду золотые промыслы, рудники и заводы). Горному ведомству предписывалось все земляные работы (съемка торфа, добыча и «подкатка» песков к золото-промысловым устройствам, откатка гальки и т.д.) возлагать на «сих преступников», привлекая к таким работам вольнонаемных лишь в тех случаях, когда ссыльно-каторжных для них недостаточно, или когда производство какой-либо работы через преступников сопряжено особыми затруднениями. Горное начальство должно было непосредственно руководить работами в техническом отношении и доставлять необходимые рабочие инструменты и «конную силу». Горное начальство могло требовать ссыльно-каторжных для производства и так называемых «цеховых и поторжных» работ; к таковым могли допускаться только каторжные, состоящие в отряде исправляющихся, а из содержащихся в остроге — отличающиеся «добрым поведением и нравственностью». За исполнение каторжных работ в заводах Кабинета Его Императорского Величества от последнего должна была производиться особая, предпочтительно задельная, плата, которая должна была соответствовать цене вольнонаемных работ; размер этой платы определялся по взаимному соглашению местного горного и гражданского начальства, с утверждения Иркутского генерал-губернатора. Указывалось также, что обращаемые на заводы каторжные первого

разряда должны употребляться на самые тяжкие работы, снятие оков (кандалов), если это было необходимо для производства работ, разрешалось только высшему местному начальству и только на время работ. Еще Указывалось, что работы прекращались во время «больших праздников»: Рождества Христова (два дня), Пасхи (три дня), дней рождения, тезоименитства и Коронавания Их Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы, а для каторжных третьего разряда, помимо того, в 1 Января, в день Богоявления Господня, в два последних дня Страстной и во всю Светлую неделю, в дни праздника сошествия Святого Духа и в дни Рождения и тезоименитства Государя Наследника Цесаревича.

Как видно, Устав о ссыльных в законодательном порядке закрепил тенденцию использовать труд преступников для решения государственных экономических задач и, в частности, на тех объектах и в тех местах, где испытывались затруднения с привлечением вольнонаемных работников, то есть преимущественно в Сибирском крае (а со второй половины XIX века и на Сахалине). Условия работы и жизни осужденных к ссылке в каторжные работы зачастую были очень плохими, а нормы Устава о ссыльных выполнялись далеко не всегда. Вот как описывает обстановку на российской каторге Д.А.Дриль, изучавший эту проблему: «На приисках и заводах, после тяжелых дневных работ, предоставленные сами себе арестанты в казармах жили пьяно, распутно, часто затевали кровавые драки и страшно воровали. Окружавшие заводы слободки представляли собой в полном смысле слова вертепы и притоны пьянства, разгула, разврата и преступления. В них сходились самое испорченное отребье общества, формировались преступные сообщества и шайки, задумывались и подготавливались преступления, и люди утрачивали последние остатки совести» [11, с. 13]. В целом об условиях отбывания ссылки в каторжные работы есть немало работ, в том числе последних лет [12; 13; 14; 15; 16 и др.].

Значительная доля экономического интереса имела в виду при организации в 1827 г. такого вида наказания, как содержание в арестантских исправительных ротах. Причем, как писал В.Н. Латкин, это было сделано по инициативе государя, находившего, что «через формирование этих рот приобретены будут две главные выгоды: _дешевейший способ к устройству губернских городов и к производству разных городских работ, и отмена издержек на отправление арестантов в Сибирь и продовольствие их в пути» [17, с. 437]. Тогда же законодатель стал классифицировать наказания в виде лишения свободы, при этом все они так или иначе сводились к содержанию осужденных преступников в определенных местах лишения свободы в зависимости прежде всего от тяжести и характера совершенных преступлений, сословного положения (помимо ссылки на каторжные работы это временное заключение в крепости, заключение в рабочем или смиренном доме, тюремное заключение).

В этом контексте в сфере регулирования труда арестантов в рассматриваемый период представляет также интерес Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. — первым уголовно-исполнительным актом в правовой истории России, где комплексно регулируются порядок и условия исполнения и отбывания наказания в виде тюремного заключения [18] (12), нормы которого являлись основой для и для других видов лишения свободы. Так, указывалось, что «для занятия содержащихся в тюремном замке должны быть учреждены в самом замке различного рода работы ... работы сии для каждого из арестантов избираются такие, кои, сколь возможно, во время их заключения занимали бы их, не позволяли бы им быть праздными, приучали к порядку, к правильному употреблению времени, к подчиненности и повиновению, дабы, по возвращению в недра общества, соделались они полезными сами себе и семействам своим, вообще клонились бы к исправлению нравственности и к привычке трудиться» [18]. Это весьма характерная и вместе с тем противоречивая норма, учитывая, что в ней в значительной мере отражена главная особенность социального уклада (менталитет) российского общества, предполагающего подчинение и повиновение низших слоев высшим, и, соответственно, — относительно невысокое (сравнительно с западноевропейскими странами) развитие демократических начал.

Вместе с тем в Инструкции довольно четко ставилась социально полезная цель, которая в различных вариациях будет присутствовать практически во всех последующих уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правовых актах России. Таким образом, уже в то далекое время российский законодатель проявил незаурядную мудрость, стремясь к тому, чтобы даже граждан-преступников не выбрасывать за борт жизни и заботиться о его будущем. Далее указывалось, чтобы при назначении работ «принималось в соображение» пол, возраст, характер преступления, поведение в тюремном замке, время года, физические силы, здоровье и способность к каким-либо родам занятиям, ремеслу или работе, «о чем смотритель спрашивает у самого арестанта, при самом вступлении его в тюремный замок» [18].

Привлечение к труду арестантов осуществлялось в зависимости от сословной их принадлежности. Для лиц чиновных в качестве работы (как труда) предлагалось лишь клепание пакетов, картонок и других вещей общепотребительных, кроме того, женщины могли заниматься прядением, вязанием, вышиванием, шитьем. Гораздо больший выбор предусматривался для «людей простого сословия»: печение хлеба; приготовление пищи; приготовление кваса; прислуга за столом во время завтрака, обеда и ужина; накачивание и разноска воды; пиление, рубка, носка дров и топление печей; трение сандала и бакаута; изготовление ковров и постилок

из смоляного каната; трепание пеньки и льна, приготовление шерсти и хлопчатой бумаги; ращипывание старого каната в пеньку; изготовление картонок, корзин, камышевых и деревянных, общеупотребительных; вязание сеток; изготовление лаптей; изготовление из покровков ковриков, матов, теплых калош и др., а для женщин — стирка белья, мытье полов и посуды, щипание перьев и др. Как видно, указанные работы не требовали больших производственных мощностей, высокой квалификации и относительно нетяжелых физически. Ничего не говорится также о нормировании работ — в отличие от Устава о ссыльных. Решение этих и других вопросов организации работ полностью зависело, таким образом, от смотрителя тюремного замка.

Отмеченная выше классификация наказаний, связанных с лишением свободы, была осуществлена в таком фундаментальном законе, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года были [19]. Несмотря на то, что в Уложении не говорилось о целевом использовании осужденных в решении государственных экономических задач, они, тем не менее, продолжались привлекаться именно для таких целей. В этой связи Н.Г. Фельдштейн замечал: «Попытки законодателя обратить ссылку в меру, преследующую исключительно цели карательные, не удалось. Как свидетельствует практика, правительство продолжало все-таки отодвигать карательную сторону каторжных работ на второй план и сводит ссылку к простому снабжению рабочими руками различных ведомств» [20, с. 142]. А вот что писал французский путешественник и журналист в 1843 г. о привлечении арестантов к труду на Урале в рассма-

триваемый период: «Сколько каторжников нужно иметь, чтобы извлечь из недр земли такие сокровища! _Если преступников не хватает, их делают, во всяком случае делают людей страдальцами. Деспотизм торжествует, а государство процветает» [21, с. 287].

В дальнейшем развитие в России капиталистических отношений привело к определенной избыточности рабочей силы, в связи с чем государство снизило активность в привлечении осужденных преступников для решения экономических задач. Осужденные преступники (каторжане) в этот период использовались преимущественно в работах по добыче полезных ископаемых, рубке леса, устройстве дорог, в соляном хозяйстве. Значительная часть каторжан привлекалась к труду на Сахалинской каторге, которая открылась в 1875 году [22]). И только к рубежу XIX-XX вв. условия трудоустройства, и прежде всего каторжных работ, были смягчена, на то в определенной степени повлияли идеи естественного права, которые к тому времени уже распространялись европейских странах [23; 24]. В советском государстве в период функционирования печально известного ГУЛАГа власть также использовала дешевый труд заключенных для извлечения экономических выгод государству. После смерти Сталина ГУЛАГ был преобразован в обычную исправительно-трудовую систему, но осужденные, лишённые свободы, по-прежнему привлекались к обязательным работам, и прежде всего для строительства разного рода объектов государственного значения, хотя, безусловно, на более гуманной основе и с оплатой их труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. М.: Юрид. лит-ра, 1985.
2. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. Краснодар, 1998.
3. Архипов С.В. Устав о ссыльных 1822 г. Как источник пенитенциарного права и его роль в реализации колонизационной политики России в XIX в. // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2. С. 14–18.
4. Турицын И.В., Упоров И.В. Виды государственного принуждения, применяемого правоохранительными органами, и принципы его реализации // Право и практика. 2013. № 4. С. 21–28.
5. Указ именный от 24.11. 1699 г. «О наказании посадских людей за взятки с выбранных ими людей к таможенным и кабацким сборам» // ПСЗ-1. №1722.
6. Памятники сибирской истории. Т.1. СПб., 1882. 551 с.
7. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб.: Тип. А. Бенке, 1889. 514 с.
8. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891
9. Указ именной от 13.09.1797 г. «О распределении уголовных и других преступников по важности их в каторжную работу на поселение и в крепостные работы» // ПСЗ-1. № 18140.
10. Высочайше утвержденный Устав о ссыльных от 22.07. 1822 // ПСЗ-1. № 29128.
11. Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. СПб., 1899.
12. Иванов А.А. Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII-XVIII) // Научный диалог. 2023. № 2. С. 318–335.
13. Упоров И.В. Правовое регулирование естественных прав человека в местах лишения свободы. Рязань, 1998.
14. Кузьмин С.И. Каторга и ссылка Российского государства: начало XVIII — середина XIX века // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 8. С. 23–27.
15. Малышев И.С. «Сменки» ссыльных народников на этапном пути в Сибирь // Власть. 2024. № 5. С. 295-304.
16. Рейнхардт А.И. Формирование российской пенитенциарной системы в дореволюционный период // История. Культурология. Политология. 2024. № 4. С. 44–50.

17. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1899.
18. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка // Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / Сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903.
19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845. СПб.: тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845.
20. Фельдштейн Н.Г. Ссылка. М., 1893.
21. Маркиз Астольф де Кюстин. Николаевская Россия в 1839 году / Пер. с фр. М., 1990.
22. Плотников А.А. Сахалинская политическая каторга и ее антинародная сущность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986.
23. Уповов И.В., Схатум Б.А. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития: учебное пособие. Краснодар, 2000.
24. Уповов И.В. Правовое регулирование естественных прав человека в местах лишения свободы. Рязань, 1998.

© Уповов Иван Владимирович (uporov@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»